

ПАРИЖСКИЙ Национальный театр открыл свои гастроли в Москве знаменитой комедией Мольера «Дон Жуан». Сразу стало ясно, что перед нами яркое, своеобразное произведение театрального искусства.

По внешним своим сценическим формам спектакль перекликается с экспериментами, которые производились на советской сцене в 20-е годы. Нет занавеса. Нет декораций. Входя в зал, зритель видит пустую неосвещенную сцену, обрамленную со всех сторон черным бархатом. В центре сцены, ближе к ее задней стене, — небольшой помост с широкой ступенью. Помост и пол сцены обтянуты серым сукном. На авансцене три табуретки. И это все. В такой обстановке будет протекать спектакль с самыми незначительными изменениями в деталях. И странное дело: окажется, что этого вполне достаточно, чтобы сыграть большой и сложный спектакль.

Начинается он с негромких, очень странных и таинственных звуков. Гаснет свет в зрительном зале. Звуки постепенно приобретают какой-то угрожающий характер, и сидящему в полной темноте зрителю начинает казаться, что он имеет дело с чем-то потусторонним, мистическим...

Но вот лучи прожекторов упали на сцену, и в их свете мы видим две застывшие в неподвижности человеческие фигуры в ярких костюмах. Кажется, что это не живые люди, а восковые куклы. На фоне черного бархата они очень рельефны и выразительны.

Пустая сцена, черный бархат, мистическая музыка, неподвижные фигуры — все это, вместе взятое, создает настроение, как-то не очень совпадающее с привычным представлением о Мольере.

Но подождем судить. Посмотрим, что будет дальше. Вот одна из фигур зашевелилась и чихнула. Один раз, другой, третий, и началось действие.

Руководитель театра, постановщик этого спектакля и одновременно исполнитель центральной роли Жан Вилар пишет в своей книге о театре: «Талант актера и режиссера заключается не только в силе и многообразии его выразительных средств (это довольно презренный дар небес), но главным образом в отказе от своей силы, в строгости отбора, в добровольном самоограничении». И слова Жана Вилара не расходятся с делом. Все его режиссерские и актерские краски тщательно отобраны, язык его предельно лаконичен и выразителен.

Спектакль в целом подчинен определенному стилю, выдержан в единой манере. Стиль спектакля условен. Зрителя, однако, нисколько не смущает отсутствие декораций и то, что действующие лица часто адресуют свои речи прямо в зрительный зал. Что поделаешь, таков этот мольеровский театральный мир! Здесь правда жизни отражается в правде искусства по особым законам жанра и стиля спектакля. И от этого искусство французских актеров не перестает быть реалистичным.

Принципы спектакля находят наиболее яркое выражение в игре самого Жана Вилара. Его герой — философ. Он не верит ни в небо, ни в ад, ни в бога, ни в черта, и не по природному своему легкомыслию, а в результате напряженной деятельности острого, холодного и трезвого ума. Его Дон Жуан — циник, но в его цинизме есть и сарказм, и злая ирония, и даже грусть. Он великолепно знает людские слабости и то общество, в котором живет, и поэтому относится к людям презрительно. Обманывать их — совсем не грех. Все они нисколько не лучше его, только они умеют скрывать свои слабости и преступления за лицемерными словами. С первых же сцен Жан Вилар овладевает сердцами зрителей, покоряет их обаянием своего героя и заставляет полюбить этого скептика. Интересно, что даже умирая, в самый последний момент своей жизни, Дон Жуан Вилара, падая, делает вдруг удивительно выразительный по своей ироничности жест: «А, дескать, умираю, это верно, но все-таки я в вашу чертовщину не верю!»

И здесь, как нам кажется, Жан Вилар — исполнитель роли Дон Жуана ссорится с Жаном Виларом — режиссером, постановщиком спектакля. И надо откровенно сознаться, что в этом споре мы целиком стоим на позициях Жана Вилара — актера. Мы всей душой сочувствуем его Дон Жуану, материалистической направленности его философии, его жизнелюбию, его атеизму.

Вы скажете: но ведь Дон Жуан — черствый эгоист, жестокий обольститель, безнравственный распутник. Все это правда. Образ, созданный Мольером и

талантливо воспроизведенный Жаном Виларом, внутренне противоречив. Но в чем корень этих противоречий?

Дон Жуана судят лицемеры, против которых Мольер и написал эту пьесу. Во имя чего они требуют от Дон Жуана нравственного совершенства? Во имя «неба»? Но ведь он в «небо» не верит. Вот почему Дон Жуан вместе с богом отвергает и всякую мораль лицемеров. Мы его понимаем, и мы вместе с Мольером на его стороне. Но нам не всегда ясен замысел режиссера. Порою кажется, что он не только Дон Жуана, но и зрителей хочет напугать всеми этими потусторонними ужасами. Иначе откуда этот мистический налет на спектакле? Зачем понадобилось ему это загадочное музыкальное вступление?

Ведь нельзя же забывать, что «Дон Жуан» написан Мольером непосредственно вслед за запрещением «Тартюфа». И, конечно же, эти пьесы близки по своей идейной направленности. Современники Мольера не могли обмануть финальное возмездие в «Дон Жуане». И вряд ли эта пьеса кого-нибудь обратила на путь добродетели. Зато она привела в бешенство ханжей и лицемеров, которые писали о том, что безбожник рушит все основы религии. Современники отлично догадывались, что статуя командора в комедии Мольера — это только ширма, призванная защитить пьесу от цензуры. Но именно этой определенности и не хватает в спектакле.

Отличным партнером Жана Вилара выступает Даниэль Сорано — исполнитель роли Сганареля. Диалоги между

ними великолепны. Актер обладает превосходной комедийной техникой, отличным чувством юмора, хорошим вкусом и изобретательностью.

Превосходна в спектакле сцена обольщения двух крестьянских девушек — Шарлотты (арт. Зани Кампан) и Матюрины (арт. Кристиан Минаццоли), когда Дон Жуан с необыкновенным изяществом бросает им то сразу обеим, то по очереди страстные уверения в своей любви.

Нельзя не отметить комедийный талант Жан-Поль Мулино, с блеском разыгравшего с Виларом и Сорано знаменитую сцену обольщения торговца Диманша. Наивно, с хорошим народным юмором играет роль деревенского простака Пьеро Жан-Пьер Даррас. Интересен контраст между двумя появлениями Эльвиры (артистка Моника Шометт): до вульгарности грубая и страстная в первой сцене, она превращается в нежную и самоотверженную в конце спектакля, вызывая аплодисменты зрителей.

Приняв спектакль целиком на свои плечи, актеры уверенно несут его содержание в зрительный зал, лишняя раз подтверждая незыблемую истину о том, что главное в театре — это актер.

Московские зрители горячо приняли спектакль французских гостей, по достоинству оценив их высокое искусство. Длительные овации по окончании спектакля явились выражением чувства искренней благодарности, которое испытывали все смотревшие эту интересную работу Национального народного театра Франции, театра страстных поисков в искусстве.

Борис ЗАХАВА,
народный артист РСФСР.